

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТЫ ИСТОРИОСОФИИ

IDEOLOGICAL AND AESTHETIC COMPONENTS IN THE PHILOSOPHY OF HISTORY

Симашенков Павел Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, АНО ВО Самарский университет государственного управления «МИР», Самара, Россия

Simashenkov Pavel Dmitrievich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, PA chair, ANO HPE Samara IMI University, Samara, Russia

Аннотация. В статье освещаются эстетические аспекты философии истории. На фоне принципа равенства всех перед законом опошления идеалов, самобытность истории и культуры — в том, как исповедуется идеал творчества тем или иным народом, поэтому идеологию можно признать категорией эстетической, а творчество — этической. В таком подходе всегда пребудет и научная, и событийная новизна. По мнению автора, эстетизация временного — национальная черта и особая форма русского исторического мышления.

Abstract. The article highlights the aesthetic aspects of the philosophy of history. Against the background of the principle of equality of all before the law of the vulgarization of ideals, the historical and cultural identity – in the way the ideal of creativity is professed by one or another people, so the ideology can be recognized as an aesthetic category, and creativity – ethical. This approach will always contain both scientific and event-based novelty. According to the author, the estheticization of the temporary is a national feature and a special form of Russian historical thinking.

Ключевые слова: эстетика, философия истории, идеализм, русская философия, социальная этика, идеология.

Keywords: aesthetics, philosophy of history, idealism, Russian philosophy, social ethics, ideology.

Актуальность проблемы определяется обострением дискуссий о многополярности мира и особом пути России. Камень преткновения в дискурсе отечественной истории — история европейская, объявленная камертоном и эталоном просто благодаря ее наличию. В дифференциальной диагностике подобный подход условно приемлем, а вот для осознания миссии — едва ли. То, что Россия с удивительной быстротой впитывает зарубежный опыт, доказывает лишь пользовательскую ориентированность последнего, его адаптивный вектор.

Угол падения национальной культуры равен углу отражения ей буржуазного масс-культура. Так, восточная философия привлекает Запад не глубиной и древностью, а духовными практиками, т.е. трюками просветления. Даже индуизм потрафил потребителю, мутировав в косплеи хиппи и кришнаитов. Нам верится, что русская философия избежит столь незавидной участи и никогда не станет усредненно-всемирно-популярной [1]. В этом не местечковость, а необходимость особой культурной подготовки и подвижничества, без которых приближение к

сокровищнице мысли возможно, но приобщение — сомнительно: слишком уж личностный, неклишированный подход, не поддающийся тиражированию.

Отечественная история уникальна, но при этом отнюдь не локальна, не обособленна и не помечена вечным ярлыком евразийства. Если рассматривать Запад и Россию в плане власти, налицо удивительная синхронизация форм правления: военная демократия, раннефеодальные монархии, раздробленность, национальные государства, сословно-представительные монархии, просвещенный абсолютизм и т.д. При сравнении в контексте технологического роста — выявляется очевидное запаздывание нашей страны. Сопоставляя историю философии, обнаружим редкостную статику, незыблемость русской картины мира (“остановившиеся часы хотя бы дважды в сутки показывают правильное время”), особенно — на фоне зарубежного мировоззренческого ассортимента [2]. Выбранные системы координат образуют для России целостное пространство исторического времени, тогда как буржуазная гуманитаристика зачастую обслуживает потребности, адаптируя реальность к очевидности, упрощая вечное до относительного. Как следствие, разные формы детерминизма, толерантность, квази-концепции (модерн, постмодерн, постгуманизм), нигилизм и масса критики — не всегда, впрочем, конструктивной. Естественно, без сравнений и критики — никуда, но ее предназначение состоит в ее же превосходении. У отечественных рыцарей разума свой “святой Грааль” — поиск ответов на “проклятые вопросы”; в итоге понятие социального почти всегда идеологично (притом — вовсе не идеологизировано). Таково (словами В. Бибикина) “не разрешенное и не запрещенное состояние философии в России” [3]. Здесь старались претворить идеальное в реальное, на Западе идеальное обналичивают в действительное [4]. Отсюда русская неприкаянность, контрастно заметная на фоне уютного евро-быта. Народ-богоносец не найдет себе места, пока всем людям не станет хорошо (чеховское “мы несчастны, но все человечество будет счастливо”). Неприкаянность — в первую очередь неустроенность, оттого русские все время строят, а другие в построенном ими устраиваются. Естественно, речь не о месте под солнцем (в России его с лихвой), но об успокоенности. Эволюция (даже в био-формате) есть путь измельчания, а русскую душу более всего огорчает измельчание: и масштабов, и нравов. Посему психотехники и раскадровки менеджмента — не для нас. Потуги современных российских (отечественных ли?) социологов сформулировать “заповеди мотивации”, “десять привычек, которые бесят шефа”, “как понравиться на собеседовании” и проч. выглядят скудоумно, цинично и бессодержательно. В американской версии фабрикация науки из пустяков смотрится в чем-то даже мило и не столь аляповато, но в отечественной традиции подобная мелочность унижает исследователя.

Как говорится, самое темное место — под лампой: мало какие книжные истины пустили корни в национальный быт, оттого и разрыв между желаемым и действительным в России столь драматичен. Пресловутые “что делать?” и “кто виноват?” решались мыслителями непрактично, претворяясь “в духе” — вот откуда и горькое разочарование в деградации идеалов, и своеобразный “апокалиптический оптимизм” русской мысли. Русь духовная никогда не была озабочена проблемой “догнать и перегнать”. А Россия государственная тем временем носилась по кругу реформ, то кичась передовыми позициями, то изумляясь своему отставанию. Ничего удивительного: в круге трудно понять, кто убегает, а кто догоняет, и отличить запаздывающих от успевших. По меткой характеристике Г. Федотова, русское

мессианство есть крайняя форма реакции на западный соблазн, крайняя форма антизападничества, и потому все то же западничество [5].

Может быть, известная разница между русской и иными культурами заключается и в самом чувстве реальности. В Европе, к примеру, реализм (как направление в искусстве) быстро сменился другими, более тенденциозными, альтернативными “-измами” (импрессионизм, кубизм, фовизм etc). В России же критический реализм надолго закрепился (а вовсе не был официально провозглашен) в качестве генеральной линии; в СССР особо почитался реализм социалистический. Но, как бы это ни высмеивали горе-авангардисты и антисоветчики, он оказался подлинным и был несравненно выше примитивно-описательного натурализма перестроечной чернухи. Причина, видимо, в точке зрения: соцреалисты предпочитали перспективную, в то время как ремесленники нуара и арт-хауса тенденциозно сужали и кругозор и “творческие методы”. В итоге их жизненные наблюдения выродились, в лучшем случае, в натюрморты (досл. “мертвая натура”) бытовых примет, а в худшем — в бездарно-протокольную констатацию политизированной злобы дня.

Явление того же порядка — увлечение Запада Достоевским, Чеховым и Толстым, объясняемое достаточно просто: все трое достоверно живописали обывателей. Нет нужды объяснять, что упомянутые классики отнюдь не бытописатели, потому столь разнятся трактовки их произведений “у них” и “у нас”. Тем не менее, импортные интерпретации отечественной литературы крайне редко выходили за пределы иллюстративности, в лучшем случае безнадежно упираясь в “феномен загадочной русской души”, ставший (и справедливо!) синонимом красивого и неразрешимого парадокса.

Эстетику истории мы понимаем как творческий поиск со-бытийной гармонии. Изыскания эти несходны ни с криминалистикой (обнаружением, фиксацией и оценкой доказательств на суде истории), ни с подменой гармонии мертвой симметрией сдержек и противовесов. Эстетизация — путь разрешения антитезы между любовью к ближнему и любовью к дальнему, обозначенной Ф. Ницше и развитой С. Франком. Оговоримся: тяга к красоте и справедливости в русском характере имеет мало общего с ницшеанской “любовью к вещам и призракам”, поскольку овеществленность и призрачность идеала равно для него губельны. Идеал не эталон, тем паче — не иллюзия, скрывающая либо декорирующая малосимпатичные реалии. Иррациональная реальность идеала осмысливает действительность. Такова суперация истории, когда последующая нота украшает и оправдывает предыдущую: хотя бы потому, что без предыдущей и она была бы невозможна, даже в диссонансе. Гармонизация — скорее эстетическое истолкование, нежели примирение, адаптация, компенсация или формальная альтернатива.

Обрести гармонию — значит уловить консонансы и резонансы мироощущения с мирозданием; в этом чувстве ритма, синкопы — корень восприятия истории. Естественно, на определенной частоте; следовательно, и вариаций столько же, сколько частот — тех деталей и обстоятельств, вокруг которых и в согласии с которыми выстраивается гармония. Субъективный, очень человеческий момент: какой образ считать ключевым, поэтому идеология представляется нам категорией эстетической, а творчество — этической. Одним словом, на фоне принципа равенства всех перед законом опошления идеалов, самобытность в том, как исповедуется идеал творчества тем или иным народом. “Русский человек мыслит

не отвлеченно, а пластически. Он художник, эстет и в религии. Легкое воспарение над тяжелой инерцией исторического позитивизма — черта наиболее архаическая, первохристианская в русской религиозности. Русские — это современные фессалоникийцы, дети Павла”, писал А.Карташев [6]. Мы считаем, национальное образное мышление ярко проявлено в уникальном чувствовании подтекстов, аллегорий и аллюзий, ибо в настоящем есть лишь то, чего нет по-настоящему. И уже не удивляет, почему в России из всей литературы сатира — жанр вечно актуальный и пророческий, хотя (по логике вещей) должна быть самой “скоропортящейся” и намертво привязанной ко временному контексту. Золотое правило социальной механики гласит: проигрываем в политике — выигрываем в совести. Возможно, легенда о призвании варягов — не изложение конкретного факта (неважно, искаженное или нет), а остроумная идея, когда народ не ждет случая быть завоёванным, а сам определяет себе тех чужих, которые во властном статусе навсегда отчужденными и останутся. Русская государственность не была сформирована иноземным завоеванием, но ширилась завоеванием внутренним, сфабрикованным по схеме внешнего: так, в петербургский период “наследственное чиновничество” [7] усердно оприходовало собственный народ. Правда, лютость петровских реформ отчасти находит искупление в просвещении России (как в горьком афоризме Г. Горина: “большой просветитель был, порол нещадно!”)

Историю творит индивидуальность, т.е. (в дословном переводе с латыни) нераздельность. В массе она проявляется объективно, физически (сплоченность, солидарность), в личности — психологически: цельность натуры великой личности духовно возвышает прозелитов, заставляя вспомнить о личности соборной. Люди, вдохновляемые (а не мотивируемые) пророками и святыми, пресуществляются в мир, а ведомые вождями — в народ. Мы полагаем, дилемма “личность или массы” в вопросе сотворения истории не столь актуальна. Историческая роль масс — в ревизии и редукции идеалов. Примечательно, что в русском языке есть средства, безошибочно определяющие выход в тираж: чаадаевщина (снобское критиканство), достоевщина (обсессивная покаянность), тарковщина (унылая претенциозность). Этим приёмом подчеркивается типизация, пародирование внешних форм чего-то изначально неординарного, личного, пропущенного через сердце.

В данном ракурсе чрезвычайно любопытен также ассоциативный круг, замыкаемый на родную историю: так, Петра Великого именуют первым русским большевиком, а графа С. Витте — первым наркомом (соответственно, наркома финансов Г. Сокольникова — “советским Витте”). С другой стороны, мало кому придет в голову соотнести личность Ивана Грозного с Генрихом VIII Тюдором или Нероном; куда адекватнее сравнение со Сталиным (при этом — не Сталина с Гитлером!). Мы намеренно провели аналогии в сфере политики, т.к. принципы ее незатейливы и оттого повсеместно схожи. Тем не менее, даже здесь параллели искусственны и натянуты. В области искусства такое звучит сущим абсурдом: не дико ли называть Лермонтова русским Байроном, К. Леонтьева — русским Ницше, и говорить о тождестве “Войны и мира” с “Унесенными ветром”? Как видим, подобного рода сопоставления в лучшем случае поверхностны, неверны, режут глаз и слух — иными словами, некрасивы. В этом иррациональном, но вполне уловимом эстетическом чувстве заключен решающий нюанс, он заведомо выше фактологии и абстрактной логики. История пишется в назидание потомкам, она нужна живым и непременно должна быть живой, дабы утешать, воспитывать и учить. Уроки ее в том, что она имеет обыкновение повторяться, призывая к работе над ошибками.

История не для апологии минувшего, а ради оправдания живущих. Настают времена, когда уже не устраивает утилитарные “как?” и “зачем?”, людям становится мало объективного “почему?”, и они вопрошают — за что? Главное в любой истории — узнать ее финал; это трагичное знание придает ей особую ценность в смысле исследования и наделяет смыслом эстетизацию. Историческое исследование не следственный эксперимент и не исчерпывается реконструкцией событий, оно скорее нуждается в реставрации культурной памяти (в известном роде это гештальты национальной истории, выводимые из нее самой как содержимое из содержания). Человеческий ум и воображение гораздо деликатнее и органичнее восстановят утраченные фрагменты, нежели формально просчитанные интерполяции и усредненные биты и пиксели.

Отринем упрощения: человечество — вовсе не статистическая совокупность “человеков”, куда правильнее представлять его образом, коему должно пребывать в грядущем. Соборное человечество превзойдет противоречия любых теорий прогресса: и мистических, и позитивистских, и идеалистических. Нам представляется, эстетизация есть тот путь (безусловно, сложный), который и не рассорит людей, и напомнит им: в каждом живет чувство прекрасного; предназначение человека — творческий поиск гармонии в себе и во всем окружающем. В таком подходе всегда пребудет и научная, и событийная новизна.

Библиографический список

1. Симашенков П.Д. Исследовательский компонент в профессиональной подготовке студентов-историков // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2020. – № 3 (март). – С.28-39
2. Hartog F. Regimes d’historicite. Presentisme et experiences du temps. – Paris: Editions du Seuil, 2003. – 288p.
3. Биbihин В.В. Мир. – М., 2007. – 432с.
4. Pavel D. Simashenkov. About Russian version of historical progress // Modern European Researches. – Salzburg, 2019. – №2. – P. 52-58
5. Федотов Г.П. Россия и свобода. В кн.: Новый град. –Нью-Йорк, 1952. –С.139-171
6. Карташев А.В. Воссоздание Святой Руси. – Париж, 1956. – 251с.
7. Аксаков И.С. Собрание сочинений. – М., 1886. – 846 с.

Bibliography

1. Simashenkov P.D. Issledovatel'skij komponent v professional'noj podgotovke studentov-istorikov // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». – 2020. – № 3 (mart). – P.28-39
2. Hartog F. Regimes d’historicite. Presentisme et experiences du temps. – Paris: Editions du Seuil, 2003. – 288p.
3. Bibikhin V.V. Mir. – M., 2007. – 432p.
4. Pavel D. Simashenkov. About Russian version of historical progress // Modern European Researches. – Salzburg, 2019. – №2. – P. 52-58
5. Fedotov G.P. Rossiya i svoboda. V kn.: Novyj grad. – NY, 1952. – P.139-171
6. Kartashev A.V. Vossozdanie Svyatoj Rusi. – Paris, 1956. – 251p.
7. Aksakov I.S. Sobranie sochinenij. – M., 1886. – 846 p.

Сведения об авторе

Симашенков Павел Дмитриевич, канд. ист. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, АНО ВО Самарский университет государственного управления «МИР», pavel.simashenkov@yandex.ru, тел. +7 (846) 341-44-21

Author’s personal details

Simashenkov Pavel Dmitrievich, PhD, Associate Professor, PA chair, ANO HPE Samara IMI University, pavel.simashenkov@yandex.ru, tel. +7 (846) 341-44-21